

О БЕЛОРУССКИХ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ДРУКАРЯ ИВАНА ФЕДОРОВА

Как известно, сведения о месте, времени рождения и происхождении друкаря Ивана Федорова имеют пока лишь предположительный характер. Последнее во многом обусловлено тем, что анализ В. К. Лукомского, в тяжелом для него 1935 г. [1, с. 98], типографских эмблем Ивана Федорова исследователи восприняли негативно [2, с. 5] и в этой связи длительное время отказывали названным эмблемам в генеалогической информативности [там же, с. 4]. Однако описание Е.Л. Немировским обнаруженного в Дрездене оттиска личной печати друкаря на письме к саксонскому курфюрсту Августу [там же, с. 4-5] убедило большинство исследователей в том, что на типографских эмблемах Ивана Федорова изображен его герб [3, с. 217]. А если названные эмблемы содержат герб друкаря, то упомянутое исследование В. К. Лукомского приобретает исключительную ценность для установления действительного происхождения Ивана Федорова.

Вместе с тем в своей знаменитой работе В. К. Лукомский отметил, что из-за недоступности многих необходимых источников целиком гербовой загадки друкаря он не решил и поэтому привел две гипотезы относительно его происхождения:

1) Иван Федоров принадлежал к российской ветви белорусского рода Рагоза;

2) Иван Федоров не принадлежал к шляхте вообще и поэтому был приписан к знамени «Рагоза» актом адаптации [4, с. 174-176].

При этом первую версию В. К. Лукомский считал более весомой [там же, с. 176], что необходимо особо подчеркнуть, т. к. в белорусской литературе суть его выводов искажена до неузнаваемости (см., например, [5, с. 12, 6, с. 36, вопрос 45]) и, как следствие, вызвала естественные возражения [7, с. 12-13].

Таким образом широко известный герб друкаря Ивана Федорова нуждается в дальнейшей гербовой экспертизе на основе работы В. К. Лукомского, что и предпринято нами ниже.

Герб Ивана Федорова известен по трем типографским эмблемам 1574-1581 гг. (рис. 1-3), из которых первой, видимо, является эмблема в Азбуке [8, с. 153], и по изображению ныне утраченной надмогильной плиты друкаря; известно также краткое описание вышеупомянутого оттиска личной его печати.

Изображение сложнофигурного щита с картушными завитками на известных эмблемах в целом сходны между собой. Также сходны, а точнее весьма сходны, между собой и изображения на их знаменах «Рагоза»: «кржываж (костыль, посох) в столб, сверху его стрела, обращенная жалом вверх». Последние исследователи дружно путают со знаменем «Срженява»: «в красном поле белая река, ниспадающая по искривленной линии от правого верхнего к нижнему левому углу; наверху реки стоит крест...». Начало этого герба относят к XI столетию, и значение эмблемы объясняют победою, одержанною в правление короля Болеслава Храброго при реке Срженяве» [9, с. 292, знамя 237; табл. XXV, рис. 15] - и вследствие чего приходят к ложным умозаключениям (а ведь В. К. Лукомский особо указал на ошибочность отождествления внешне сходных между собой знамен «Рагоза» и «Срженява» [4, с. 172]). Вместе с тем отличительной особенностью названных эмблем является нахождение в поле щита кириллических букв, образующих в двух первых случаях имя «Иван», а в последнем составляющих инициалы гербовладельца - «И» и «Ф». Названное обстоятельство заслуживает особого внимания из-за неординарного нюанса ситуации.

Само по себе введение в состав герба букв или имен явление известное как для польской, так и для русской геральдики. Однако в польской геральдике и сфрагистике как кириллические, так и латинские буквы или имена при этом расположены вне поля щита [10, с.37, 41- 46, 57-106]. В анализируемых вариантах герба буквы расположены, как отмечено выше, в поле щита. Но расположение элементов легенды непосредственно у геральдической фигуры характерно для русской сфрагистики [там же, с. 31-32] и устойчиво встречается на русских печатях до середины XV в. [11, печати №№6, 8, 12, 13, 17, 30], а на печатях полоцких церковных иерархов и в начале XVI в. [12, с. 135, рис. 16-19]. Следовательно, данная особенность анализируемого герба указывает на прямое его соответствие русским геральдическим традициям. Правда среди польских гербов есть герб «Микулинский» - «в голубом поле одна на другую положенные три буквы М, означенные золотом или серебром, а на верхней из них водружен крест» [9, с. 279, знамя 151], но он, как исключение, не опровергает, а лишь подтверждает вышерассмотренные различия польской и русской геральдических систем, т.к. гербовладельцы Микулинские, бывшие в Литве, принадлежали к русским князьям [там же] и, следовательно, их герб является привнесенным в польскую геральдику.

Таким образом, герб друкаря содержит типичные для польской геральдики элементы: знамя и буквы, расположение которых тем не менее формально противоречит канонам польской родовой геральдики. Из этого несоответствия можно сделать вывод, что при составлении герба был соблюден более важный ее канон.

Для последней одним из основных правил являлось отражение в гербе родственных связей гербовладельца как по мужской, так и по женской линиям. При этом герб матери в составных гербах занимал либо третье, либо второе(!) место после родового герба, т. к. на щите старались собрать при этом гербы наиболее родовитых и знаменитых предков [13, с. 35].

Следовательно, с учетом данной особенности польской родовой геральдики, вышеупомянутое противоречие легко разрешается и позволяет сделать вывод о том, что анализируемые варианты эмблем Ивана Федорова являются эмблемами составных гербов, составленных с учетом как польских, так и русских родовых традиций и читаются следующим образом: «Иван знамени "Рагоза"» и «Иван Федорович знамени "Рагоза"». При этом кириллические буквы имени и инициалов в поле щита указывают на принадлежность армигера к православию и его русское происхождение в связи с отсутствием родового герба у отца (в России дворянские гербы появились, как известно, в XVII в., а широко распространились позднее [14, с. 28]), краткая личная титулатура «Иван» - на среднее сословие по родовитости, т.к. по имени и отчеству в Польше и Литве того периода именовали лишь представителей высшей знати [15, с.67, правая колонка], титулатура из инициалов - на небольшое изменение (повышение) социального статуса, а знамя «Рагоза» - на родство по матери. То есть гербы друкаря отмечают его происхождение из каких-то русских бояр Федоровичей, имевших по женской линии родственников в Литве, принадлежавших к знамени «Рагоза» (также не очень знатных).

Правила титулования в Польше и Литве (имя, фамилия, место рождения) позволяют уточнить как фамилию Федорова: он в действительности был Федоровичем, так и место рождения - Москва, что и пояснено соответствующим текстом, сопровождающим типографские эмблемы печатника. Таким образом, вышеизложенные результаты и разрозненные, внешне противоречивые известные биографические данные о друкаре становятся взаимодополняющими, и тем самым достоверными.

Так, если Иван Федоров, согласно экспертизе, действительно происходил по отцу из какого-то не слишком знатного боярского рода Федоровичей (ограниченность биографических сведений не позволяет причислить Федоровичей к знатым и заметным родам Руси), а по матери - не то из Рагоз, не то Рагозиных из Мстиславского воеводства или Калужского, или Курского уездов [4, с. 173-174], то с этими данными непротиворечиво согласуются сведения, опубликованные М.М. Кромом. Им установлено, что по спискам реестра 1480-х годов среди смоленских бояр значились Федоровичи, судьба которых после 1514 г. неизвестна, и что по иным источникам конца XV-начала XVI в. фигурируют и смоленские бояре Рагозичи, из которых Стецко Иванович Рагозич под 1525 годом упомянут в Литовской метрике [16, с. 247,